

УДК 172.15
ББК 87.3 (2) 6 - 625
Ш 16

А.Ю. Шадже

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, тел. (8772) 59 39 84

**Николай Бердяев о нации и национальных отношениях (по сборнику
Н.А. Бердяева «Судьба России»)
(Рецензирована)**

Аннотация: В статье рассматривается значимость национального, соотношение национального и общечеловеческого, анализируемые религиозным русским философом Н.А. Бердяевым в книге «Судьба России». Автор показывает, что Бердяев предугадал остроту многих сегодняшних проблем, поэтому его мировоззрение имеет гносеологическую ценность и актуальность в современной России.

Ключевые слова: Нация, национальность, ценность, религия, человечество, национализм, империализм, интернационализм, Россия, интеллигенция, универсализм.

A.Yu. Chadje

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department at Adyghe State University, ph.: (8772) 59 39 84

**Nikolay Berdyaev about the nation and national relations
(after N.A. Berdyaev's collection of works "Destiny of Russia")**

Abstract: The paper discusses the importance of the national and a correlation of the national and the universal analyzed by Russian religious philosopher N.A. Berdyaev in the book "Destiny of Russia". The author shows that Berdyaev has foreseen a sharpness of many today's problems. Therefore his outlook has a gnosiological value and the urgency in modern Russia.

Keywords: Nation, a nationality, value, religion, mankind, nationalism, imperialism, internationalism, Russia, intelligentsia, universalism.

Постановка проблемы. С конца XX века вопросы, волновавшие россиян сто и более лет назад, вновь обрели научную актуальность и политическую остроту. «Кто мы?», «Куда идем?», «Каково предназначение российского народа?», «Какое место занимает Россия в современном изменяющемся мире?» и т.д. Эти вопросы не надуманны, они судьбоносны, поскольку задевают душу каждого человека, проживающего в России. В поисках ответа на эти и другие вопросы в отечественной науке предпринимаются новые попытки осмысления и переосмысления теории наций и национализма.

Отметим, что в гуманитарной науке наметилось два противоположных подхода в этой области, которые обусловлены традицией различения гражданской и этнической модели нации. Одни исследователи трактуют нацию как этносоциальную общность, исходя из полиэтничного состава России и исторических особенностей образования российского государства. Другие пытаются уйти от традиционной терминологии, руководствуясь идеей нации-государства.

Анализ этих подходов не входит в нашу задачу, это — самостоятельная проблема. Упоминание этих подходов продиктовано тем, что терминология философа Н.А. Бердяева

и его взгляд на нацию покажутся многим исследователям и читателям устаревшими. Не корректируя его, хочется отметить: пусть даже «нежелательное общение» с Бердяевым необходимо, этого требует время.

Сложные процессы, происходящие сегодня в нашей жизни, затрагивают каждого человека, его национальные (этнические) интересы и менталитет. Обращение к наследию Николая Александровича Бердяева (1874-1948) не только оправданно, но и просто необходимо, поскольку он дал ответы на многие вопросы, волнующие сегодняшнюю Россию. Особенно это касается его взглядов на проблемы национального, национализма, человечества, империализма и т.д.

Цель данной статьи — рассмотреть базовый концепт «национальное» через «Судьбу России». Автор осознает невозможность в одной статье всестороннего и полного раскрытия сложных вопросов в творчестве Бердяева. Надеемся, что поднятые проблемы получат глубокое научное осмысление в трудах ученых, исследующих различные аспекты теории этноса, нации и национальных отношений.

Национальность, человечество, национализм. Н. Бердяев, будучи сам глубоко национальным, был озабочен судьбой России — ее настоящим и будущим; отводил ей специфическую роль в мировой истории; верил и надеялся, что в решении таинственных судеб человечества Великой России предстоит активная и творческая роль [1]. Очевидно, поэтому русский мыслитель обращается к рассматриваемым вопросам и, в первую очередь, к русскому национальному характеру.

Анализируя мировые события и явления, он приходит к выводу о том, что нельзя подойти к ним с запасом старых просветительских идей, старых рационалистически-социологических схем. Когда разразилась первая мировая война, многие русские интеллигенты делали попытки оценить ее с точки зрения интересов пролетариата, применить к ней категории социологической доктрины экономического материализма или социологической и этической теории народничества. «Если у нас не было достаточной материальной подготовленности к войне, — пишет Н. Бердяев, — то не было и достаточной идейной подготовленности. Традиционные идеи, десятки лет у нас господствующие, совершенно не пригодны для размеров разыгравшихся в мире событий. Все сдвинулось со своих обычных мест, все требует совершенно новой творческой работы мысли, нового идейного воодушевления» [2].

С одной стороны, по мнению Бердяева, великие мировые события выводят русскую интеллигенцию в мировую ширь. Мировая война вскрывает коренные противоречия внутри самой Европы и свергает кумиров западничества. Вовлечение России в мировой круговорот означает конец ее замкнутого провинциального существования, ее славянофильского самодовольства и западнического рабства. С другой стороны, события требуют ломки готовых схем, сложившихся стереотипов мышления у русских интеллигентов, необходимости мыслить творчески над раскрывающейся трагедией мировой истории. Меняется провинциальный кругозор русского радикализма, русского народничества и русского социал-демократизма. Происходит преодоление отвлеченного и доктринерского сознания. Обращение к международным интересам, к историческим судьбам народов и их взаимоотношениям повышает и укрепляет национальное самосознание. Кругозор русской интеллигенции становится мировым, всемирно-историческим.

Анализируя сознание русской революционной интеллигенции, часто отрицавшей национальность и Россию, критикуя абсолютизацию классового подхода к мировым событиям и явлениям, Бердяев подходит к рассмотрению понятия **национального**, изучению ценности и сложности национально-исторических задач. Интерес представляет тот факт, что он отвергает все попытки рационального определения национальности. Послушаем Бердяева: «Природа национальности неопределима ни по каким рационально-уловимым признакам. Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия не являются признаками, определяющими национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее

определении. Национальность — сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, созидającego ее неповторимый духовный лик. И в результате всех исторических и психологических исследований остается неразложимый и неуловимый остаток, в котором и заключена вся тайна национальной индивидуальности. Национальность — таинственна, мистична, иррациональна, как и всякое индивидуальное бытие. Нужно быть в национальности, участвовать в ее творческом жизненном процессе, чтобы до конца знать ее тайну» [3].

По-видимому, заслуживает внимания мнение о будущем национальности. Бердяев допускает исчезновение классов и принудительных государств в совершенном человечестве. Совершенное человечество, единство человечества или высшая всечеловечность представляется Бердяевым как ступень реальности в человеческой жизни, высокое качество человека, его всеобъемлющая человечность. Вполне оправдано и понятно то, что духовной основой этого единства является Вселенская Церковь.

Однако Бердяев не мыслит, что когда-нибудь национальность перестанет существовать. Он глубоко убежден, что нация есть динамическая субстанция, а не преходящая историческая функция, и она своими корнями врастает в таинственную глубину жизни. **Национальность есть положительное обогащение бытия, и за нее нужно бороться, как за ценность.** Связывая национальное с классовым, он приходит к выводу о том, что национальное единство глубже единства классов, партий и всех других преходящих исторических образований в жизни народов. Вся наша жизнь должна быть ориентирована на конкретных идеях нации и личности, а не на абстрактных идеях класса и человечества. Бердяев считает, что зоологическое национальное чувство и инстинкт есть элементарное и темное еще стихийное состояние, которое должно быть преобразено в творческое национальное чувство и инстинкт. И любовь к своему народу должна быть творческой любовью, что несколько не означает вражду и ненависть к другим народам[4].

Н. Бердяев — религиозный мыслитель. И, конечно же, поэтому он стремится к религиозному познанию национальности, т.е. раскрытию **природы национальности через призму религии.** Он убежден, что в царстве Божьем должно мыслить совершенное и прекрасное существование личностей-индивидуальностей и наций-индивидуальностей. Бог не есть угашение всех индивидуальных ступеней многообразного бытия. Наоборот, он утверждает, что Бог есть их полнота и совершенность.

Одно из главных и привлекающих внимание положений в учении Бердяева состоит в том, что в отличие от националистов-космополитов, разобщающих бытие национальное с бытием единого человечества, он рассматривает национальность (национальную множественность) и человечество (всечеловеческое единство) как целый организм. Национальность, ее бытие и развитие не означает раздора в человечестве и с человечеством и не может быть в принципе связываема с несовершенным, не пришедшим к единому состоянию человечества, подлежащим исчезновению при наступлении совершенного человечества. Национальность рассматривается им как индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества. Она заложена в самих глубинах жизни, и **национальность есть ценность, творимая в истории, динамическое задание.** Человечество существует в формах национального бытия. Национальность, по его мнению, есть бытийственная индивидуальность, одна из иерархических ступеней бытия, другая ступень, другой круг, чем индивидуальность человечества. Установление совершенного братства между людьми не будет исчезновением человеческих индивидуальностей. И установление всечеловеческого братства народов будет не исчезновением, а утверждением национальных индивидуальностей.

В конечном счете, Бердяев приходит к выводу, что национальность, с одной стороны, есть положительная ценность, обогащающая жизнь человечества, без этого представляющего собой абстракцию. С другой — он видит один исторический путь к

достижению высшей всечеловечности — путь национального развития, национального творчества. Все человечество раскрывает себя лишь под видами национальностей.

Рассматривая взаимосвязь национальности и человечества, Бердяев отмечает, что множественность индивидуальных ступеней, всю сложную иерархию мира нельзя заменить единством высшей ступени, индивидуальностью единого. Совершенное единство (общенациональное), общечеловеческое, космическое (или божественное) есть высшая и наиболее полная форма бытия всей множественности индивидуальных существований в мире. Всякая национальность есть богатство единого и братски объединенного человечества. Национальность есть проблема историческая, а не социальная проблема конкретной культуры, и не отвлеченной общечеловечности.

Нельзя не согласиться с Бердяевым, утверждающим, что чувствовать себя гражданином вселенной совсем не означает потери национального чувства и национального гражданства. Кто не любит своего народа и кому не мил конкретный образ его, тот не может любить человечество, тому не мил и конкретный образ человечества. Через жизнь национальную, через жизнь всех индивидуальных иерархических ступеней человек приобщается к космической, вселенской жизни.

Национальное и общечеловеческое Бердяев не противопоставляет, а рассматривает их во взаимосвязи. Общечеловеческое значение имеют именно вершины национального творчества. В национальном гении раскрывается всечеловеческое, через свое индивидуальное он проникает в универсальное. К примеру, Бердяев ставит Достоевского в первый ряд величайших гениев человечества, одновременно признавая, что он «русский гений», «самый русский из русских», «самый универсальный из русских». Через русскую глубину Достоевский раскрывает глубину всемирную, всечеловеческую. Всякий национальный гений всегда возводит национальное до общечеловеческого значения.

Рассматривая единство национальности и человечества, он приводит в качестве аргументов национальные культуры, рассматривает их связь с общечеловеческим. Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой. Она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности. Все творческое в культуре носит на себе печать национального гения. Объединение человечества, его развитие к всеединству совершается через мучительное, болезненное образование и борьбу национальных индивидуальностей и культур. Другого исторического пути нет. Другой путь есть — отвлеченность и пустота.

Естественно, каждый народ борется за свою культуру. Думается, прав философ в том, что желать творить помимо национальности — самообман, и что национальное творчество не означает сознательно-нарочитого национальничанья. Оно свободно и стихийно национально [5].

К какому выводу приходит Бердяев? Если недопустимо противопоставление идеи человечества идее национальности, то недопустимо и обратное противопоставление. **Национальность обедняется, если она обращена против человечества. Во имя национальности нельзя быть врагом единства человечества.** Творчески утверждая национальность, утверждается человечество. Национальность и человечество, по Бердяеву, одно.

Бердяев прав в том, что призыв забыть о национальном (как это имело место в нашей стране до недавнего времени) и служить человечеству, вдохновляться лишь общечеловеческим ничем не значит, это — пустой призыв. Действительно, только человек, знающий и уважающий историю, язык, культуру своего народа, этнические ценности и т.д., может уважать другой народ. Без культуры межэтнических и межнациональных отношений нет смысла говорить о диалоге и взаимопонимании.

В истории человечества, по Бердяеву, существуют две тенденции: к универсализму и к индивидуализации. Национальность есть ступень индивидуализации в отношении к человечеству и объединения в отношении к человеку. Исходя из этого, он отмечает, что

национальность, как ступень индивидуализации, определима не только кровью, но также языком, не только землей, но, прежде всего, общей исторической судьбой. Национальность есть индивидуальное качество человека, индивидуальное в отношении человечества и в отношении человека.

Он допускает два направления развития национальности. Первое, — когда национальность в безграничном самомнении и корыстном самоутверждении мнит себя вселенной и никого и ничего не допускает рядом с собой, — пагубно. Второе, — когда национальность творческими усилиями раскрывает в себе вселенское, не обезличивая своего индивидуально-неповторяемого образа, но вознося его до значения всечеловеческого, — плодоносно. Национальность не может претендовать на исключительность и универсальность. Она допускает другие национальные индивидуальности и вступает с ними в общение. Национальность входит в иерархию ступеней бытия и должна занимать свое определенное место. Она иерархически соподчинена человечеству и космосу. Отсюда напрашивается вывод: национальность и человечество находятся в диалектической взаимосвязи.

Через рассмотренные понятия — национальность и человечество — Бердяев подходит к понятию «национализм». Национализм, как и национальное сознание, рассматривается им в качестве явления XIX века, которое пришло на смену средневековому и древнеримскому универсализму. Национализм, дошедший в своих притязаниях до отрицания других национальных душ и тел, до невозможности всякого положительного общения с ними, есть эгоистическое самоутверждение, ограниченная замкнутость. Это болезнь национальности [6]. И чем более такой национализм претендует на безграничность, тем он становится ограниченнее. Безграничная притязательность национализма делает его отрицательным, отделяет его от универсализма, лишает его творческого духа.

Как признает сам Бердяев, он «не теолог, а религиозный философ»[7], поэтому национализм рассматривается им во взаимосвязи с мессианизмом, который «мыслим только на религиозной почве, и обосновать его можно лишь мистически»[8]. Если национализм в идее не претендует на универсальность, единственность и исключительность, хотя на практике легко может дойти до отрицания и истребления других национальностей, то мессианизм никогда не отрицает и биологически не истребляет другие национальности. Он спасает их, подчиняет своей вселенской идее.

Бердяев, сравнивая национализм с империализмом, подчеркивает их разные начала: они не исключают друг друга, но сосуществуют. Они выполняют разные функции: национализм склонен к обособлению, а империализм хочет выхода в мировую ширь (т.е. империализм, несмотря на его мотивы и приемы, выводит за грани замкнутого национального существования — за границы Европы в мировую ширь, за моря и океаны, объединяет Восток и Запад). Как бы ни подходил Бердяев к империализму, он не допускает угнетения и истребления им малых национальностей и считает, что угнетение всем национальным индивидуальностям несет слишком зазнавшийся и слишком разбухший национализм.

Интерес представляют характерологические особенности, присущие русскому империализму. Бердяев считает, что русский империализм особенный, более противоречивый по своей природе. «Русская политика, — пишет он, — может быть лишь империалистической, а не националистической, и империализм наш, по положению нашему в мире, должен быть щедродарящим, а не хищнически-отнимающим» [9]. Национальное ядро империи (имеется в виду России), объемлющей множество народностей, должно уметь внушать к себе любовь, должно притягивать к себе, должно обладать даром обаяния, должно нести своим народностям свет и свободу. И убежден в том, что народная Россия внушает к себе такую любовь и притягивает к себе других.

Бердяев не приемлет старую националистическую политику, трусливую и бессильную, которая совершенно противоречит идее великой мировой империи. Задачу

русского империализма видит, с одной стороны, в обладании проливами, в выходе к морям, с другой — в освобождении угнетенных народностей. Но эта благородная миссия может быть исполнена лишь в том случае, если Россия никогда не будет угнетать у себя внутри, если она и внутренне будет освободительницей угнетенных народностей. Если Россия не сумеет внушить любви к себе, то она потеряет основания для своего великого положения в мире. Ее империализм не может быть агрессивным. Ее национализм должен выражать русский всечеловеческий народный характер [10].

Что же противопоставляет Бердяев национализму? — Интернационализм?

Отнюдь нет. Он считает интернационализм, наряду с национализмом, болезнью. Более того, по его мнению, обратной стороной национализма является полное отрицание национальности, «отвлеченный и утопический интернационализм».

На примере Германии, бывшей экономически и политически отсталой страной по сравнению с Францией и Англией, бывшей Востоком по сравнению с Западом, он показывает, что «европеизация» совсем не означает денационализации. Германия, приняв западную цивилизацию, не стала менее национальной, не потеряла свой самобытный дух. То, что называется европейской или интернациональной цивилизацией, он считает фантомом.

Бердяев не принимает то, что называется европейской или интернациональной цивилизацией. Чистейшей абстракцией и пустотой он считает денационализацию, проникнутую идеей интернациональной цивилизации, интернациональным человечеством. Ни один народ не может развиваться в бок, в сторону, вращать в чужой путь и чужой рост. Между национальностью человека и человечеством не может существовать никакой «интернациональной Европы», «интернациональной цивилизации». Как отмечалось выше, он признает только один путь к всечеловечеству — это творческий национальный путь, который раскрывается во всякой национальности, как и в русской. Бердяев убежден, что интернационализм был явной ошибкой марксизма и отвергает его начисто.

Национализму он противопоставляет универсализм, утверждающий, по его словам, богатство в национальной жизни. В качестве примера приводит Данте, Л. Толстого, Шекспира, Гете, являющихся одинаково национальными и универсальными.

Отметим вывод, к которому приходит Бердяев: национальность является положительной ценностью, обогащающей жизнь человечества. Национализм представляет собой злое, эгоистическое самоутверждение и презрение и даже ненависть к другим народам. Национализм порождает шовинизм и ксенофобию, и его нужно решительно отличать от патриотизма. Национализм — есть один из источников войн.

Мировоззренческое значение учения Н.А. Бердяева в современной России. Общие наблюдения, вытекающие из предпринятого нами анализа некоторых проблем нации в книге Бердяева, позволяют утверждать, что его учение противоречиво, сложно, и было бы неправильно подходить к нему односторонне. Каждый непредвзято мыслящий человек не может не признаться в том, что мысли российского философа не только не бесполезны, но требуют изучения. Его мировоззренческие установки не дают нам рецепт решения этнических (национальных) проблем. Ответа на вопрос «как выйти из нарастающего национального кризиса и прийти к согласию?» мы не найдем у него. Но бесспорно то, что его мысли заставляют нас «прочувствовать себя», способствуют самопознанию и самосохранению, помогают критически посмотреть на себя, оценить себя с позиций достижений других народов, всего человечества. Оценивая значение философии Бердяева, Фредерик Коплстон писал: «Он был очень русским, русским аристократом, но его восстание против любых форм тоталитаризма, неустанная защита свободы, отстаивание первичности духовных ценностей, антропоцентрический подход к проблемам, персонализм, искания смысла жизни и истории вызвали повсеместный интерес... Дело не в том, становились ли поклонники Бердяева его последователями... **Однако достаточно**

много нерусских обнаружили, что его книги открыли перед ними новые горизонты мысли (выделено – А.Ш.)» [11].

Бердяев выводит нас на новое осмысление национальных процессов, осмысление прошлого, настоящего и будущего своего народа. Он приводит к осмыслению истории, просветленности исторического сознания, от которого, по его словам, зависит будущее народа. Способность человека, нации к такому самоанализу и самопознанию свидетельствует о культуре чувств и уровне культуры народа.

Хочу отметить два обстоятельства, которые представляются, на мой взгляд, основой современных этнокультурных и национальных процессов.

Первое. В условиях современного мирового кризиса и активизирующейся глобализации встречается много различных рассуждений, как правило, экономических и политических. Между тем, не меньшее значение имеют проблемы духовной жизни народов. В этом аспекте обращает на себя внимание взаимосвязь национального и человечества в современных условиях. Представляются востребованными мировоззренческие установки, преломленные в плоскость соотношения активно дискутируемых сегодня разных видов идентичности: этнической, региональной, национальной и религиозной.

Второе положение связано с первым и обусловлено необходимостью проведения российской национальной политики, нацеленной на сохранение этнокультурного и этноконфессионального разнообразия в стране. Действительно, «любая этническая единица безальтернативна и абсолютно ценна сама по себе» (Ю.Г. Тютюнник). Решение этой проблемы зависит от *направления* саморазвивающейся сложной нелинейной системы — российского полиэтноконфессионального общества.

Примечания:

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Сов. Писатель, 1990. С. 6.
2. Там же. С. 89.
3. Там же. С. 95-96.
4. Там же. С. 98-99.
5. Там же. С. 94-95.
6. Там же. С. 314-315.
7. Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии // Общественные науки. 1990. № 5. С. 230.
8. Бердяев Н. Судьба России... С. 100.
9. Там же. С. 112.
10. Там же. С. 113.
11. Цит. по: Поляков Л.В. Философия творчества Бердяева // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. (Вступ. ст.). М.: Правда, 1989. С. 8.

References:

1. Berdyaev N.A. Destiny of Russia. – M.: Soviet Writer. 1990. P.6.
2. The same. P. 89.
3. The same. P. 95–96.
4. The same. P. 98–99.
5. The same. P. 94–95.
6. The same. P. 314–315.
7. Berdyaev N. Self-Cognition. Experience in the philosophical autobiography // Social Studies. 1990. No.5. P.230.
8. Berdyaev N. Destiny of Russia. P.100.
9. The same. P.112.
10. The same. P.113.
11. Cited from: Polyakov L.V. Philosophy of Berdyaev's creativity // Berdyaev N.A. Philosophy of Freedom. Sense of Creativity. (Preface). M.: Pravda. 1989. P.8.